

Ирина ДЕМЕНТЬЕВА

ВОЙНА И МИР
ПРИГОРОДНОГО
РАЙОНА

Ирина ДЕМЕНТЬЕВА

«ИЗВЕСТИЯ»

**ВОЙНА И МИР
ПРИГОРОДНОГО
РАЙОНА**

Издательство «Хабра»
1994 г.

Читала статьи, собранные в этом сборнике и вместе с болью, которую естественно испытывала, узнавая все новые и новые подробности ингушской истории, меня захлестывал ужас от нашего всеобщего равнодушия. Оно рождалось и заботливо культивировалось десятилетиями под насквозь фальшивым лозунгом братской дружбы народов СССР. Именно тогда, под "добрый" прищуром глаз "отца народов" нас научили не замечать, а еще лучше не знать, что происходит вокруг. Вся страна была отдана на заклание. Или сама не сумела, не смогла, не захотела избежать участия агнца, которого приносят в жертву "светлому будущему".

И в длинном, нескончаемом мартiroлоге нашей истории есть отдельная глава - преступления против народов: разделенные народы, ликвидированные народы, депортированные народы. По прихоти тирана перекраивалась карта государства, создавались и ликвидировались республики и автономии, а целые народы загонялись в телячие вагоны и под конвоем вывозились за тысячи километров от родных очагов и дедовских могил. Свою книгу о национальной политике тех лет историк Александр Некреч назвал "Наказанные народы". Кажется в истории цивилизации нет аналогий этому массовому геноциду народов, начавшемуся в 1919 году и красной нитью протянувшемуся через последующие десятилетия. В этом плане все годы истории СССР страшные, но нет равных 1943-1944, когда проходили самые массовые депортации. 23 февраля 1944 года был депортирован ингушский народ. Полвека тянется его борьба за право жить на своей земле, иметь свою государственность, быть не больше и не меньше чем их соседи достойными ее.

Сменяются вожди, генеральные секретари и президенты. Меняются названия "этапов большого пути". Мы уже жили при социализме. В 1980 году должны были начать жить при коммунизме. Попали в развитой социализм. Потом на нашем пути возникло ускорение. Пришла и ушла перестройка. Теперь свободная демократическая Россия создает новые законы и в их числе долгожданный закон о реабилитированных народах. Но для некоторых народов он оказался трагически похожим на акт освобождения крестьян без земли. Реабилитация без земли. Закон, после которого ничего не изменилось. Ни время, ни смена общественных формаций, ни смена персон не смогли разорвать порочный круг административных, аппаратных, законотворческих и военных игр.

В происходящем сегодня нет ни грана от истинного содержания тех слов, которые постоянно произносятся: мир, новое мышление, права человека. Они - привычная новая форма лжи, то самое затверженное со времен "дружбы народов" равнодушие. Равнодушие диктует сильным мира сего обсуждать национальные проблемы за закрытой дверью. Федеральное собрание и Совет безопасности новой России оказались в этом последовательными драматическими Верховного Совета ССР и Верховного Совета России. Равнодушие заставляет их всегда поддерживать сильного, хотя такая политика неизбежно провоцирует насилие, но никогда не приведет наше общество к альтруизму. Так необходимо сегодня альтруизму сильного.

Я испытываю благодарность к Ирине Дементьевой за то, что она в своих статьях не боится правды и пытается пробить брешь во всемобщем равнодушии.

16 февраля 1994

Елена Боннер

Елена Боннер

Casus belli

Исса Костоев, представитель президента России в Ингушской Республике, вернулся в Назрань днем 31 октября. В Москве ему не удалось сделать ничего из того, что он считал обязательным и неотложным. Следователь по особо важным делам российской прокуратуры, профессиональный аналитик, он видел внутреннюю связь событий, знал, чем все может кончиться, но предотвратить ничего не успел. Он много раз то через контрольное управление, то телеграммами просил президента принять его и не получил никакого ответа.

А из Назрани ему звонили каждый день. И каждый день новости были одна превознее другой.

Мчавшийся по сельской улице БТР задавил девочку-ингушку. Водителя следствие сочло невиноватым. Через день работник МВД Северной Осетии застрелил двух ингушей. Убийцу освободил из-под стражи прокурор республики. К толпе возбужденных ингушей прибыла группа осетинских милиционеров. В столкновении убиты три ингуша и два милиционера. Милиционеров хоронили с почестями, присутствовали сам Галазов и члены правительства...

Костоев видел, что осетинская милиция смело идет на обострение ситуации, и догадывался, кому и зачем это нужно.

Стихийное возмущение ингушей нужно было остановить, не дать втянуть себя в обреченную вооруженную борьбу. Безоглядные эмоции, а может быть, и честолюбие некоторых авторитетных ингушских деятелей толкали их в умелую поставленную западню. 24 октября в Назрани на объединенной сессии трех райсоветов было решено блокировать въезды и выезды в ингушских селах Пригородного района, собрать добровольцев в отряды самообороны и подчинить их штабу в составе руководителей райисполкомов и ОВД.

Когда генерал юстиции Исса Костоев узнал об этом, он понял, что осетинское руководство получило в свои руки «казус белли» - повод к войне: создание незаконных органов власти на своей территории. Собравшийся на закрытое экстренное заседание Верховный Совет СО ССР предъявил ультиматум: немедленно разблокировать въезды и сдать

оружие. Иначе это будет сделано силой.

Стремительное движение к гибельному краю мог остановить только президент. Ему через помощников переданы были Костоевым все документы. Но президент его не принял.

Наконец, казалось, повезло. На 27 октября Б. Н. Ельцин назначил встречу со своими представителями на местах. Костоев передал записку: со дня на день произойдет беда, выслушайте меня. Он еще не знал, что в этот день ВС Северо-Осетинской ССР утвердили положение о национальной гвардии и народном ополчении. Это было грубым нарушением Конституции, но с Конституцией в России никто никогда не считался. К этому дню было завершено вооружение самостоятельной североосетинской армии. Армию создают, чтобы воевать. Записка была единственной, не заметить ее было невозможно, и все же встреча не состоялась.

Через день совещание у Хижи, но председатель Совета безопасности северокавказских регионов Георгий Хижа имел очень смутное представление о предмете разговора. К чести Хижи, он довольно быстро признал это, и они договорились увидеться на следующий день, чтобы ему разобраться в предыстории проблемы. Костоев прошел, но и эта встреча не состоялась. Сказали — болеет. А утром — звонок из Назрани. Это было 31 октября — день, объявленный во Владикавказе началом ингушской агрессии.

Костоева взял на борт своего самолета генерал Саввин, вылетевший в Северную Осетию. Прямо из аэропорта Беслан Саввин на военном вертолете переправил его в Назрань. Уже там, вечером, Костоев узнал, что Хижа во Владикавказе.

ВЛАДИКАВКАЗ, 31 ОКТЯБРЯ 1992 г.

Сергей Шойгу и Геннадий Филатов прилетели в Беслан на своем самолете поздно вечером. Гайдар позвонил Шойгу утром в Екатеринбург, где тот остановился по пути в Сибирь, и попросил немедленно лететь во Владикавказ. Между осетинами и ингушами, по словам первого вице-премьера, возможный вооруженный конфликт, обстановка сложная, и председателю ГКЧС следует помочь вылетевшему туда вице-премьеру Хиже. Шойгу захватил с собой своего заместителя генерал-полковника Филатова.

Возбужденная толпа на площади перед зданием Верховного Совета требовала то отставки правительства Северной Осетии, то вмешательства армейского корпуса, но больше всего — вооружаться, захватывать армейские склады и вооружаться.

4

В кабинете председателя А. Галазова собралось все местное и приезжее руководство. Галазов докладывал Хиже ситуацию. Из доклада следовало, что рано утром ингушки напали на Черменский пост, разоружили воинское подразделение, захватили несколько бэтээров и движутся в сторону Владикавказа. Ингушские бандитские формирования, говорил Галазов, хорошо организованы и вооружены. Идут тяжелые бои в Чермене и других селах. Днем Галазов выступал по местному телевидению с речью, вызвавшей тревогу во всей республике. Он сравнил происходящее с началом Великой Отечественной войны. У Шойгу сложилось впечатление, что мало кто владел обстановкой. Было много неразберихи, и еще его удивляло, что в помещение, где собралось все осетинское руководство, вице-премьер России, прибывшие многозвездные генералы и сам министр безопасности Бзаев, врывались прямо с улицы какие-то люди и кричали, что у них убили детей, захватили и увезли куда-то родителей, выгнали из дома стариков.

— Георгий Степанович, — убеждал Хижу Галазов, — вы же видите, если мы не выдадим оружия, нас разнесут.

Предсоммина Северной Осетии Хетагуров поддерживал Галазова и говорил, что надо выдать для вооружения не менее 15 тысяч автоматов. Позже станет известно, что осетинами захвачены в заложники жена и дочь начальника штаба корпуса генерал-майора Скобелева.

Галазов и Хетагуров уже впрямую требовали оружия. Нас, осетин, убивают, говорили они, а вы раздумываете, давать ли людям оружие или нет.

По распоряжению Хижи, согласованному по телефону с Гайдаром и Грачевым, были в ту же ночь развезены по районам комитатам и разданы 642 единицы стрелкового оружия: автоматы, пулеметы, гранатометы и боеприпасы к ним. Кроме того, выделили еще 18 боевых машин пехоты (БМП).

Но Хетагуров был недоволен. Сергей Шойгу выдал боеприпасы для нужд МВД Северной Осетии, но этого мало — своим распоряжением он выделил еще и 57 тяжелых танков Т-72. И «вспомнил» об этом, только когда ему на следствии предъявили его письмо к командиру войсковой части. «Кто-то должен был взять на себя ответственность, я не побоялся этого сделать. Экипажи были армейскими», — пояснил Шойгу.

Да, экипажи выдали напрокат. Жители ингушских сел увидят, что их дома крушат русские танки и танкисты тоже — русские.

Между тем толпа перед зданием Верховного Совета и Совета Министров то воодушевлялась, то затихала не сама по себе. По наблюдению генерал-полковника Саввина, она была кем-то специально организована для оказания давления.

Еще одна толпа, руководимая невесть откуда взявшимся прокурорским работником, осадила учебный центр военного училища в Комгароне, шесть офицеров были захвачены и поставлены к стенке, и тогда нападавшим уступили. Забыли предупредить курсантов, охранявших оружие. Курсанты стреляли в воздух, а когда у них кончились патроны, толпа растерзала двух мальчишек, проучившихся всего полгода. В прессу ушло сообщение, что это сделали ингуши, «Известиям» пришлось потом извиняться.

● ИЗ ДОСЬЕ «ИЗВЕСТИЙ»

Осенью 1991 года Управлением сельского хозяйства Пригородного района приобретены 21 БРДМ-2 с приборами ночного видения, радиостанциями, фильтровентиляционными установками.

9 июня 1992 года во Владикавказе были захвачены 12 самоходных артиллерийских установок (САУ 2С 1) калибром 122 мм.

10 июня захвачена центральная артбаза, с которой похищено 14 «КамАЗов» с боеприпасами и свыше 14 единиц стрелкового оружия. Руководил нападением предсовмина Южной Осетии О. Тезиев. К ответственности не привлекался.

По неуточненным данным, в распоряжение МВД СО ССР накануне вооруженного конфликта прибыл эшелон с 24 единицами БТР-80 с полным вооружением.

На 4 ноября 1992 года, по данным военной контрразведки, похищена одна БРДМ, одна 82-мм пушка, 2 пушки БМП, 307 автоматов, 788 пистолетов, 15 пулеметов, 93 карабина и большое количество боеприпасов.

МВД СО ССР в октябре 1992 года, по данным североосетинских официальных органов, располагало 1085 автоматами, 304 автоматическими пистолетами Стечкина, 113 противотанковыми гранатометами СПГ-9, 11 зенитными установками, 68 крупнокалиберными пулеметами, 36 бронетранспортерами, 1018 гранатами.

По данным североосетинских официальных органов, на вооружении национальной гвардии и народного ополчения 826 автоматов, 23 пулемета и гранатомета, 53 единицы БТР-80, 4 единицы БМП. (Официальные данные, надо полагать, занижены).

* * *

Гелиханова Р. З., адвокат, (бывший адрес — Владикавказ, ул. Шмулевича, 20, кв. 27, ныне живет в Назрани):

30 октября у нас был семинар в Минюсте. Прошел обычно. Я поехала в Ленинский РОВД. Я была поражена, что весь коридор и напротив расположенный актовый зал были завалены мешками с песком. На мой вопрос, что это такое, сотрудник ОВД ответил: «Будем обороняться против ингушей». Я была в ОВД между 12 и 12.30.

31-го утром забрали мужа и всех соседей ингушей, а около 12 дня по указанию директора «Экспериментмебель» Дзучева моя квартира была взломана и заселена семьей омоновца*.

НАЗРАНЬ, 31 ОКТЯБРЬ 1992 ГОДА

Площадь перед административным зданием в Назрани к началу дня была до краев заполнена народом. Ноги мужчины прихватили оружие, кто охотничье, кто боевое. Цена автомата в тот день на Назрановском рынке поднялась со 150 до 400 тысяч.

Люди стали собираться еще с ночи, когда первые гонцы из Октябрьского разбудили родных. Накануне, 30 октября, днем на автобусной остановке выстрелом с крыши был убит житель Дачного молодой парень Яндиев, а вечером начался обстрел ингушских кварталов Камбелеевки и Октябрьского. Стреляли из крупнокалиберных пулеметов и то ли минометов, то ли каких-то ракетных установок. Огонь велся, похоже, с крыш многоквартирных зданий райцентра Октябрьское.

Толпы назрановцев и жителей других ингушских городков и сел объединял на площади один вопрос: нас опять убивают, за что? Молодежь требовала идти разобраться с осетинской милицией. Но как и сама республика не была еще государством, так и толпа на площади не была, а боевым соединением. Люди опытные пытались остановить этот вал, но их уже никто не слушал. На «Жигулях», автобусах и «КамАЗах» они ринулись к Чермену — ближайшему селу на территории Северной Осетии. Назрановская милиция перекрыла шлагбаумом шоссе, кто-то врезался на машине в шлагбаум, после чего и самих милиционеров подхватил человеческий вал.

* Во Владикавказе жили около 17 тысяч ингушей, работавших в различных учреждениях и на предприятиях города.

Уже к исходу дня 31 октября большинство из них были арестованы, а в первых числах ноября не осталось ни одной семьи. Ингушский район частной застройки Шалдон сожжен дотла, около 600 государственных квартир со всем содержимым перешли новым хозяевам.

ческий поток. К вечеру стало известно: на Черменском перекрестке толпа разоружила подразделение патрульно-постовой службы, захватила шесть бэтээров, отпустив российских солдат, в самом селе вступила в бой с осетинской милицией, есть жертвы с той и с другой стороны. В тот страшный день были в Чермене и разбой, и поджоги, и взятие в заложники.

Наконец-то ингуши совершили то, к чему их долго понуждали, — взялись за оружие.

По владикавказскому телевидению и в газетах Северной Осетии сообщалось: рано утром 31 октября колонна хорошо вооруженных ингушских боевиков в сопровождении бронетехники в районе села Чермен пересекла границу суверенной Северной Осетии и двинулась на Владикавказ. Одновременно отдельные бандформирования вторглись в осетинские села с флагами. Началась заранее спланированная мерзкая агрессия ингушей против соседней республики.

Телефонная связь с Владикавказом 31 октября оказалась прерванной и восстановилась только на следующий день. Разговоры с Хижой получались у Костоева сумбурными и заканчивались многообещающей фразой вице-премьера: «Мы шутить не будем!...»

● ИЗ ДОСЬЕ «ИЗВЕСТИЙ»

Ингушская сторона, по официальным данным, к началу конфликта располагала 176 автоматами, 7 пулеметами, 5 гранатометами, 90 противотанковыми гранатами, 500 лимонками. Данные, очевидно, не учитывают стрелкового оружия, приобретенного частным образом.

* * *

Бузурганов Иса Юнусович, проживавший в с. Камбилиевское (ныне в Назрани):

Еще до 30-го по нашим улицам начали разъезжать БТРы, останавливаясь у осетинских домов, шла открытая раздача оружия. В ночь с 30 на 31 октября мы в полной мере осознали безвыходность нашего положения. После 22 часов Камбилиевский химзавод дал продолжительную сирену, были даны сигналы тревоги и на других предприятиях. И тут началась интенсивная стрельба по нашим домам. Первый выстрел произвел БТР, ушедший по ул. Маяковского в сторону пятиэтажек. Полоснув длинной очередью, он скрылся, и тут начали стрелять уже со всех сторон.

Ночью, примерно в 4 часа нас стали обстреливать из гранатометов со стороны ветлечебницы по ул. Речной, автоматическое оружие в это время не смолкало. Огонь гранатометов сделал свое дело, запылали наши дома.

К утру 31 октября в начале восьмого этот ад утих. Часам к 9 прибыла делегация во главе с замом генерала Саввина, как он представился, а также Сикоев, зам. министра ВД ССР, Куштов Якуб и Татиев Руслан. Произвели осмотр разрушенных и обстрелянных домов, договорили с народом. Сикоев и генерал начали оправдываться, говоря, что больше обстрела не будет, виновные понесут наказание. И в этот самый момент начался очередной обстрел. Сикоев тут же занервничал, забегал, начал звонить, и немногим спустя они уехали, оставив нас в неизвестности.

Это вряд ли была «делегация». Все четверо, надо думать, съехались с разных сторон: заместитель командующего В. Н. Саввина — генерал И. И. Каплиев, комендант Владикавказа С. И. Сикоев, председатель Сунженского райсовета Руслан Татиев и член Народного совета Ингушетии Якуб Куштов. Многие очевидцы событий вспоминают, что между Каплиевым и Сикоевым там же произошел резкий разговор.

Как ни странно, события этой ночи никак не отразились ни в осетинской, ни в центральной прессе, хотя и всплыли потом в официальных материалах, кому-то недоступных, ком-то невостребованных. Через год на запрос «Известий» руководитель объединенной следственной группы А. Щукин ответил: такая версия есть, отрабатывается. Все еще отрабатывается! А ведь будь она следствием отработана, А. Галазов не имел бы возможности по сей день повторять заведомую версию о заранее спланированной агрессии ингушских национал-экстремистов.

II. ПОДЖОГ

Стремительное развитие осетино-ингушского вооруженного конфликта похоже было на распрямление тугу сжатой пружины. Без понимания того, как и кем сжималась эта пружина, невозможно увидеть за цепью событий движение интересов. Поэтому придется, извинившись перед читателем за разрыв в сюжете, вернуть его к свидетельствам и документам, которые позволят ему самому найти причинно-следственные связи между, казалось бы, случайными происшествиями и исторической подоплекой продолжающейся «холодной войны» между двумя республиками, начав с рассказа жителя с. Октябрьское Башира Бузуртанова. Таких или похожих свидетельств — сотни.

Я. Башир Бузуртанов, — потомственный шолхневец. В Шолхи (теперь — Октябрьское) похоронены мои дед и отец. Отцу, когда он вернулся из ссылки, не разрешили поселиться в родном селе. Он мечтал выкупить свой дом, но

новые хозяева откалали. С этой занозой в сердце он умер. В июле 1990 года, выполняя его завещание, я купил дом в Шолхи, на это ушли все отцовские сбережения. А 2 августа мне во двор забросили зажженные факелы. Это такие палки с ветошью на конце, намоченные соляркой. В то время там еще жил осетин Дзанагов, который продал мне дом, он и потушил факелы. Хмурые Дзанаговы просили меня взять обратно деньги, иначе осетинские неформалы обещали их убить за то, что продали дом ингушу. Неформалы им говорили, что есть какое-то постановление. Взять деньги я отказался. В ту же ночь в 2 часа облили дом соляркой и забросили факел. Тушили пожар мы с женой и старики Дзанаговы. Иные соседи и хотели бы помочь, но боялись руководства и неформалов. Пришел Тоторов, председатель сельсовета, ругал Дзанаговых, потом беседовал со мной. Он посоветовал мне немедленно покинуть пределы СО АССР. Был я у первого секретаря райкома КПСС Джусоева Петра. Он сказал, что ингуши жаловаться на осетин не имеют права. Он потребовал оставить купленный дом и уехать жить в Назрань.

Дзанаговы и Бузуртановы еще могли бы ужиться, но неформалы сказали правильно: постановление было. Не одно, а даже три. Первое — в хрущевскую оттепель, когда, исправляя «перегибы культа личности», восстановили Чечено-Ингушскую АССР. Предваряя массовое возвращение ингушей на родину, Совмин СО АССР секретным прикуляром (№ 063) еще в 1956 г. запретил учреждениям и частным лицам продавать дома или сдавать площадь под квартиры ингушам. Ингуши все-таки дома покупали, прописывались и селились. Естественно, не «за так». Руководство СО АССР, опасаясь, что ингуши все-таки опять укоренятся на своей бывшей родине, решило закрыть все щели. Ходы в союзное правительство у него всегда были, и Совмин СССР в 1982 году издал постановление (№ 183) «Об ограничении прописки граждан в Пригородном районе Северо-Осетинской АССР». Несекретное постановление не упоминало «лиц ингушской национальности», но все знали, кому нужно ограничивать прописку. Тем не менее ингуши продолжали выкупать дома, строить новые и давать за это взятки, правда, уже большие. Перестройка и развивающиеся в связи с ней демократические тенденции принесли новые огорчения руководителям республик, понимавшим, что ингуши, укоренившись, захотят легализовать свое положение, в частности, и для того, чтобы не платить чудовищные поборы.

В 1989 году съезд народных депутатов СССР принял декларацию «О признании незаконными, преступными всех актов против народов, подвергшихся насильственному переселению». Дело шло к возвращению Пригородного района. Декларация вызвала резко отрицательную реакцию и у неформалов, и у руководства СО АССР. Бывшие враги объединились. Университетский профессор Галазов, занявший антиингушскую позицию, стал секретарем рескома КПСС, пришел к руководству республикой. При нем пропагандистский аппарат заработал в полную силу и сумел внедрить в сознание общества глубоко негативное отношение к ингушам как к народу. Неожиданно помог ему и развал коммунистической идеологии с ее декоративным табу на национальную нетерпимость. Это позволило впоследствии бывшему лидеру коммунистической партии говорить об ингушском народе как о змее, пригретой на осетинской груди.

14 сентября 1990 г. Верховный Совет СО АССР принимает третье постановление, запрещающее уже на территории всей республики куплю-продажу жилых домов и других строений на праве личной собственности. Протест Генерального прокурора России оставлен без внимания. Но в Москве уже работали комиссии Верховного Совета РСФСР, признавшие обоснованность требований ингушского населения о возврате ЧИ АССР пригородного района в его границах до 1944 г. И тут подоспела как раз драка между осетинами и ингушами из-за огорода в селе Куртат. 19 апреля 1991 г. не только в этом селе, но и во всем Пригородном районе, а заодно и в г. Владикавказе было введено чрезвычайное положение. А через неделю Верховный Совет РСФСР, руководимый Б. Н. Ельциным, почти единогласно все-таки принял закон «О реабилитации репрессированных народов» с его 3-й и 6-й статьями, предусматривающими возвращение прежнего статуса территории. Как того и опасались осетины, нетерпеливые ингушские лидеры тотчас стали требовать исполнения закона, отмены чрезвычайного положения. Московские власти безмолвствовали, как бы забыли о принятом законе.

Пресса Северной Осетии заполнилась статьями, оправдывающими депортацию войнахов Сталиным. Начальник пресс-центра МВД СО Заур Даразахохов издевательски предложил ингушам объявить сбор средств и поставить в Назрани памятник отцу народов Сталину за то, что он отправил ингушей в глубокий тыл и тем самым дал им «возможность выжить, сохранить генофонд нации».

Проще простого, однако, объяснить, что антиингушская направленность осетинского общества есть только результат массированной правительственный пропаганды. Нисколько не умаляя влиятельности пропагандистского аппарата и силы его воздействия, нужно знать, что жители Северной Осетии, несмотря на семидесятилетнюю, ни разу не прерывавшуюся традицию доверия советской власти, все-таки сумели бы отличить явную ложь от правды. При двух условиях: если бы имели независимый источник сведений и если бы не существовало объективных причин их страна перед ингушами.

К таким неосознанным и замкнутым на дне души чувствам относится, надо полагать, и давний комплекс вины. Изуверство Сталина и Берии не только в том состояло, что три тысячи осетин в числе многих других представителей народов Кавказа были мобилизованы для участия в выселении соседнего народа, но и в том, что поощрили, а иногда и припустили занять чужие дома с еще теплыми чужими постелями, с неостывшей едой на плите, с недоенными коровами в хлеву. Как бы потом ни изощрялись политики и публицисты в оправдание содеянного, здоровое нравственное чувство народа обмануть невозможно. Единственное, что может его облегчить, — это ответная и большая вина соседей.

Но то эмоционально-психологические причины страха. Есть и другие, более осознанные. Благодатные земли Пригородного района всегда кормили Владикавказ и будут его кормить, кто бы на них ни жил, — ингуши, осетины, русские. Таковы законы экономической географии. Но плотность населения, по данным республиканской статистики, там и так велика — 127 человек на квадратный километр и будет неуклонно повышаться за счет естественного прироста ингушского населения (на 1000 человек — 15,6, у осетин — 6,4). Даже термин придуман — агрессивная рождаемость, замещающий военную агрессию. Молодежь до трудоспособного возраста составляла у ингушей 37,3 процента населения (соответственно у осетин — 26,7). Демографы говорят, что все равно через столько-то лет осетины окажутся в этом районе национальным меньшинством, и тогда ингушский базар во Владикавказе станет политическим фактором.

Через год с лишним, 4 июня 1992 г., ВС РСФСР сделал следующий шаг — был принят закон «Об образовании Ингушской республики в составе Российской Федерации».

Оставалось определить границы республики и избрать парламент. Бывший председатель Госкомнаца В. Тишков

склонялся к идею проведения выборов в парламент Ингушской республики и на территории Пригородного района Северной Осетии, в местах компактного проживания ингушей. Осетинские представители наотрез отказались даже обсуждать это предложение.

26 октября 1992 года, после ряда заседаний Президиума ВС РФ, на которых обсуждался осетино-ингушский — нет, еще не конфликт — вопрос, было предложено смешанной комиссии с участием осетинских и ингушских представителей подготовить решение. Для осетинской стороны сесть за стол переговоров означало признать наличие проблемы. Не принимать далее участие в обсуждении — пойти на открытый конфликт с правительством, Верховным Советом, президентом, в свое время подписавшим оспариваемые законы. Для владикавказских руководителей дипломатический провал был опасен не только потерей политического лица. В парламенте республики раскручивался скандал с обвинениями в коррупции. Кто-то из высших руководителей отправил дочку за границу, кто-то оказался в связи с продажей ценных металлов за рубеж и исчезнувшей валютной выручкой. Хорошая встряска могла бы повернуть общественное мнение. Вполне возможно, что к тому времени осетинские руководители приняли решение любой ценой окончательно закрепить за собой Пригородный район. Теперь это можно было сделать, только вытеснив ингушей за его пределы и установив жесткую военную границу между двумя республиками.

В этой сгустившейся атмосфере страха и недоверия друг к другу любой заброшенный за забор факел, любое новое уличное убийство было чревато взрывом. Так и случилось.

● ИЗ ДОСЬЕ «ИЗВЕСТИЙ»: ОТ КАКОГО НАСЛЕДСТВА МЫ НЕ ОТКАЗЫВАЕМСЯ?

Совершенно секретно.
Народному комиссару государственной безопасности
товарищу Берия Л. П.

Докладываю, что к погрузке переселяемых чеченцев и ингушей было приступлено к 5.00 23.02 1944 г. Всего было принято для конвоирования и отправлено 180 эшелонов по 65 вагонов в каждом, с общим количеством переселяемых 493.269 человек. В среднем по 2.740 человек на эшелон. Срок пребывания эшелонов в пути составляет от 9 до 23 суток, а в среднем 16 суток. В пути следования народились 56 человек, сдано в лечебные заведения на излечение 285 человек, умерли 1272 человека...

Начальник конвойных войск НКВД СССР
генерал-майор (Бочков).

Государственный Комитет обороны
Товарищу СТАЛИНУ И. В., 26 февраля 1944 г.

В связи с выселением чеченцев и ингушей, включить в состав:

...Северо-Осетинской АССР — Ачалукский, Назрановский и Пседахский район — в существующих границах, а также — Пригородный район, за исключением его южной высокогорной части, и часть Сунженского района.

...Предполагалось раньше включить в состав Кабардино-Балкарской АССР два района — Пседахский и Малгобекский. Однако... нашли целесообразным Пседахский район передать Северной Осетии, тем более что после предполагаемого переселения балкарцев, которые занимают территорию около 500 тысяч гектаров, кабардинцы получат освободившиеся земли.

Л. БЕРИЯ

Впоследствии, как следует из Указа ПВС «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР...» от 7 марта 1944 года нашли возможным и Пседахский, и Малгобекский районы передать Северной Осетии, да еще, удовлетворив просьбу Совнаркома и обкома ВК(б) этой республики, включить в нее город Моздок Ставропольского края с прилегающими к нему населенными пунктами, а также Курский район Кабардино-Балкарии. «Благодаря постоянным заботам большевистской партии, лично тов. Сталина... территория нашей республики увеличилась до 50 процентов», — говорил в одном из докладов секретарь Северо-Осетинского обкома ВК(б) И. Д. Купов.

Из Указа Президиума Верховного Совета СССР (без опубликования в печати) от 16 июля 1956 г.

«Учитывая, что существующие ограничения в правовом положении находящихся на спецпоселении чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей в дальнейшем не вызываются необходимостью, Президиум Верховного Совета СССР постановляет: 1. Снять с учета спецпоселений и освободить из-под административного надзора. 2. Установить, что снятие ограничений по спецпоселению с лиц, перечисленных в статье первой настоящего Указа, не влечет за собой возвращения им имущества, конфискованного при выселении, и что они же имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены».

«Особая папка. Совершенно секретно»

Из записи Комитета Государственной безопасности при

российскую республику. А сама Россия, как если б воевали Никарагуа с Гватемалой, «ковала победу» одной из них.

Ингуши во Владикавказе и Пригородном районе Северо-Осетинской ССР были частично истреблены и полностью вытеснены, депортированы за границы Осетии. В североосетинской прессе любят сравнивать прошлогодние трагические события с гитлеровской агрессией. Стилистика статей и реций дело вкуса, но, воспользовавшись предложенной аналогией, следует продолжить ее в область практической идеологии: когда-то гитлеровцы, захватив какой-нибудь советский город и закопав часть жителей во рвы, вывешивали плакат — Judenfrei, свободно от евреев. В Осетии плакатов «свободно от ингушей» не вывешивают, но в письме в «Известия» благонамеренная жительница республики пишет: «Без ингушей воздух во Владикавказе стал чище».

Давно ли осетинский писатель-демократ Коста Хетагуров отстаивал достоинство горцев — осетин и ингушей — от нежественного высокомерия владикавказской чиновничьей прессы. Ныне все 33 республиканских писателя со страниц «Северной Осетии» обращаются к своему народу с предложением провести референдум на тему: «Жить ему с ингушами или не жить на своей земле». Инженеры человеческих душ советуют — не жить. Оргкомитет второго съезда осетинского народа объявил ультиматум российскому президенту: «вопрос о совместном проживании ингушей с осетинским народом должен быть снят с повестки дня... В противном случае оргкомитет оставляет за собой право поднять свой народ для вооруженной борьбы».

И, наконец, сессия ВС республики озвученный писателями тезис превращает в закон. Постановление Верховного Совета Северной Осетии о невозможности совместного проживания осетин и ингушей, не имеющее аналогов в современной истории, кроме нюрнбергских расистских законов, принятых при Гитлере, поставило каждого ингуша вне закона на территории Северной Осетии. Это заставило нынешнего главу Временной администрации В. Д. Лозового обратиться к североосетинским депутатам:

«Я вынужден выразить сожаление, что вы не поддержали предложение снять злополучный тезис о невозможности совместного проживания. Я еще и еще раз прошу вас вернуться и подумать. Вы представляете гордый и мудрый народ своей республики. Я понимаю ваше требование справедливости, но двух справедливостей, так же, как двух правд, не бывает. Правда только одна. У вас сегодня великий исторический шанс показать свою мудрость, чтобы потом честно

смотреть людям и своим детям в глаза, а вас добрым словом поминали бы ваши внуки и правнуки. Найдите в себе мудрость и мужество решить по справедливости и стать выше политической конъюнктуры во имя и на благо своего народа».

В. Д. Лозовой нашел сильные и точные слова, но они не тронули депутатов. Возможно, депутаты задумались бы, если бы услыхали такую речь со всероссийской трибуны, но там ее никто не произнес. В беседах с журналистами, в том числе и зарубежными, А. Галазов не афиширует владикавказские законы. Он напоминает только, что не может гарантировать безопасность возвращающихся в Пригородный район ингушей. Автобусы с ингушами забрасываются камнями по дороге в четыре села черты оседлости, определенной президентским указом. Так граждане исполняют закон своего Верховного Совета. Они не хулиганы и не бандиты, не штурмовики и не нацисты, они просто заняты общественной работой. Потому и сельские сходы на казенную тему «Нет совместному проживанию» напоминают хорошо подготовленные партийные собрания.

Хотя дело далеко зашло, и осетинам, действительно, легче без ингушей. Пролита кровь одной и другой стороной. Сто пять погибших осетин — большая утрата не только для их близких, для маленького народа — это заметная потеря. Пролитая кровь никого не делает лучше. Ингуши тоже пострадают образ осетина, наделенного нечеловеческими пороками. Ненависть редко бывает справедлива, она всегда с перебором. Год такого мирного сосуществования на обоих народах сказался не лучшим образом.

Все войны кончаются миром. За мнимой войной последовал мнимый мир. Мнимый, но не бескровный. За послевоенный год около ста убитых с двух сторон, убийцы не найдены. Теракты, хулиганство, месть, провокация, разбой — кто знает?

А уж как его укрепляли, этот мир. Кто только за год не мирил осетин и ингушей — старейшины, женщины, религиозные деятели, Кирсан Илюмжинов, народные дипломаты и просто дипломаты, конфедерация горских народов, навеявавшись в Абхазии, и та готова была надеть «голубые папахи», и вот, наконец, президент Ельцин.

А толку — чуть.

Позволю себе личное впечатление, поскольку присутствовала при начале пятигорско-кисловодского процесса, затяянного через два с половиной месяца после трагедии председателем Палаты национальностей Р. Абдулатиповым и

С. Шахраем (Госкомфедерация) под эгидой общественного движения «Сенежский форум». Казалось, собираются умные, опытные люди из разных северокавказских республик, накопившие исторический опыт совместного проживания, люди, которым, несомненно, есть что сказать, знающие, как примирить два народа и устроить их совместную жизнь. Результатом этого галочного мероприятия были два заседания: одно для всех в Пятигорске с короткими выступлениями представителей общественных движений Кавказа, и другое на следующий день в роскошном кисловодском отеле при закрытых дверях, и только руководители республик. Выдающиеся при таких форумах бывают только банкеты. К тому же беда двух народов близко стояла у порога, и наше чревоугодие казалось пиром во время чумы:

В марте при очередной встрече (уже без всякой общественности) были приняты кисловодские соглашения под двусмысленным заголовком «Соглашение о мерах по комплексному решению проблемы беженцев и вынужденных переселенцев на территории Ингушской Республики и Северо-Осетинской ССР».

Вскоре, конечно, выяснилось, что Руслан Аушев «комплексное решение» понимал как всестороннее обустройство ингушских беженцев, Ахсарбек Галазов, напротив, как включение в число беженцев всех, прибывших в Северную Осетию: из Южной Осетии, из Грузии, из Таджикистана, казаков из Чечни и Ингушетии, турок-месхетинцев из Средней Азии и других. На этих беженцев Москва выделила значительные суммы. Председатель Совмина Северной Осетии С. Хетагуров удовлетворенно сообщил согражданам: «Мы получили хорошую подпитку».

Очевидное военное неравенство сторон продолжилось в явном дипломатическом преходстве команды Владикавказа. Среди ингушей ходят легенды о могущественном осетинском лобби в Москве. Из кругов, близких руководству Ингушской Республики, исходит рассказ о невероятном событии. Был подписан Указ президента РФ (№ 407) с пунктом 4 о передаче всей полноты власти на территории ЧП Временной администрации, т. е. по существу о введении федерального правления, к нему было подковано сопроводительное письмо парламенту на утверждение, и — чудо: пока указ доставляли из Кремля до Белого дома, п. 4 исчез, в подписанным указе оказался совсем другой пункт. И все в Пригородном районе осталось по-прежнему.

«Я еще не политик, я еще только учусь, — говорит о себе Аушев. — У меня одно перед многими политиками преиму-

щество, я не держусь за власть. Мне это не нужно. Я в своей жизни навоевался, накомандовался, мне этой власти на несколько жизней вперед хватит...». Однако и Аушев извлек для себя уроки, и следующие его шаги были более осмотрительны. А решительности ему и прежде было не занимать, достаточно вспомнить его отставку с поста заместителя главы Временной администрации по Ингушетии. Не сработалася «Шахраем?». «Нет, — отвечал Аушев. — Шахрай — умный, грамотный, но срабатываться не в чем, проблемы-то не решаются». Сказал и улетел в Москву. Ингуши, однако, никуда от себя его не отпустили, избрав первым президентом своего первого, какого уж ни на есть, государства. Хочется верить, что, учась на политика, Аушев не заучится, как другие, и не задавит в себе прямого и честного человека; да стань он более «искушенным», он не будет понятен своему народу, у которого тоже только одно преимущество: еще не имевший своего государства, он не выверен во всех щелоках нашего развитого социализма.

Аушеву, профессиональному военному, нужен мир, чтобы дать народу передышку, вернуть ему вкус к жизни. Фестивальное словосочетание «борьба за мир» наполнилось для Ингушетии реальным смыслом.

Что-то такое в зоне осетино-ингушского конфликта понял, кажется, В. Поляничко. Чувство это достаточно субъективное и уже не перепроверишь: я, вероятно, была последним из журналистов, говоривших с ним. Для подробной беседы он в субботу пригласил приехать к нему во Владикавказ в начале следующей недели, а в воскресенье его убили. Убийцы не найдены (хотя возможности к этому были), версии разные, вплоть до того, что Поляничко заинтересовался во Владикавказе аферами с цветными металлами, продажей их за границу. Эта версия недавно попала в прессу и вызвала, говорят, во Владикавказе большой интерес, однако строить догадки поостерегусь. А вот то, что он вник в ингушскую проблему и за короткий срок руководства Временной администрации успел заметно ее продвинуть, — это так. Главное, изучив вопрос, информировал президента, и тот впервые, да еще на людях, переговорил с Галазовым жестко. После этого появилось совместное обращение президента Б. Н. Ельцина и председателя Совета министров В. С. Черномырдина к народам Северной Осетии и Ингушетии, призвавшее людей к взаимному великодушию, возобновлению добрососедства, конструктивной миротворческой работе.

В ту субботу, 31 июля, в Назрани состоялся чрезвычайный съезд народов Ингушетии. Поляничко, видимо, чуть

Утром генералы на вертолете облетывали районы «тяжелых боев». Сожженный «москвич», сожженный автобус, и никаких следов танков.

Так закончилось самое крупномасштабное сражение русской армии в этой мнимой войне.

ЧИСТКА ТЕРРИТОРИИ

1 ноября 1992 г. в 5 ч. 40 мин. начался массированный артобстрел всех населенных пунктов компактного проживания ингушей. После полудня стали прибывать подразделения Псковской воздушно-десантной дивизии.

В 16 ч. на территории 19-й дивизии (пос. «Спутник») встретились официальные представители Северной Осетии и Ингушетии. Решено было прекратить огонь в 18.00. Ингуши приняли предложенные условия. Огонь только ужесточился.

Представитель президента Иса Костоев звонил Хиже. Хижка требовал новых переговоров, тянул время. У Хижи с Галазовым были другие планы, и капитуляция ингушей их не устраивала. А ведь нужна была всего одна дивизия, чтобы развернуть ее против республиканской гвардии и тем загасить конфликт, считает бывший командующий внутренними войсками В. Н. Саввин. Одна! По его мнению, противником разъединения противоборствующих сторон было осетинское руководство, настаивавшее на «чистке» территории. Галазов видел задачу этой чистки в последовательном разоружении от дома к дому, а это означало, что людей нужно вытеснять.

Хижка принял план Галазова, хотя знал о варианте И. Костоева — вводить войска со стороны Беслана, чтобы блокировать зону с двух сторон. Но если бы войска МВД с небольшим разрывом во времени вошли вслед за ВДВ, устанавливая посты и комендатуры, жертв, жестокостей и разрушений было бы все-таки меньше. Однако внутренние войска не торопились. Вместо них в села Пригородного района за спиной десантников и вместе с ними вошли осетинские омоновцы, республиканская гвардия, народное ополчение и югоосетинский отряд под командованием предсомнина Южной Осетии Тезиева. Эти, по свидетельству всех, в том числе и высших военных, отличались особой жестокостью.

Впоследствии вину за поздний ввод внутренних войск возложили на генерал-полковника В. Н. Саввина. Причины, на которые он ссылался в свое оправдание, действительно малоубедительны, и последствия его нераспорядительности страшны. Но мог ли он назвать подлинные причины?

Более того, и Саввин, и Шойгу настороженно относятся к

вопросам о взаимодействии с североосетинскими вооруженными формированиями. Вынужденный признать, что ему как старшему воинскому начальнику Хижой было поручено возглавить объединенные силы, генерал Саввин, сразу же оговаривается, что республиканская гвардия и ополчение ему не подчинились, а о воинских подразделениях МВД Северной Осетии умалчивает. Сергей Шойгу утверждает, что участие ополчения, гвардии и «южан» в плане не предусматривалось. Но на прямой вопрос о действиях против «агрессора» единым фронтом российской армии и осетинской стороны Шойгу не отвечает.

Шойгу говорит о республиканской гвардии, как о хорошо организованному вооруженному по воинскому типу формированию, ополчение считает чем-то вроде разболтанных партизанских отрядов. Участие южан-кударцев в карательных акциях и Саввин, и Шойгу считают инициативой североосетинского руководства.

Трудное положение получается у генералов. Если признать, что в состав объединенных сил входили североосетинские формирования, усиленные югоосетинским «миротворческим» батальоном, то ответственность за резню, учиненную ими в Пригородном районе, придется принять и на себя тоже. А нераспорядительность Саввина, с учетом отяжек Хижи в переговорах с ингушами, выглядит искусственной.

Если согласиться с тем, что осетинская республиканская гвардия и ополчение никому, в том числе и осетинскому руководству, не подчинялись, то это делает неоспоримым их незаконность и признание опасными бандитскими формированиями. В таком случае очевидна ответственность политических и военных руководителей, не принявших меры к их разоружению и распуску. Можно бы даже и того и другого генерала пожалеть, если бы я не видела трупы мужчин с перерезанным горлом и женщин со следами пыток на теле.

Даже, по свидетельствам осетинской прессы, против ингушей применялись все виды оружия, в том числе и тяжелое. В газете «Северная Осетия» за 11.11. 92 г. помещена фотография развернутых в боевой порядок танков с такой подтекстовой: «Войсковым подразделениям, участвовавшим в очистке территории Северной Осетии от ингушских бандформирований, не раз приходилось вводить в действие тяжелую технику, использовать огневую мощь танков. На снимке танки во время атаки».

Кого же атаковали эти танки?

И Шойгу, и Саввин признают, что у ингушей не было вооруженных формирований по армейскому подобию, что их вооруженные группы насчитывали по 25—30 человек, что не было у них никакого другого оружия, кроме стрелкового и нескольких захваченных БТР. Да, танки атаковали дома мирных жителей, а объединенные войска России и Осетии проводили не военную операцию, а чистку Пригородного района от «лиц ингушской национальности».

Надо было бы написать, что план Галазова воплощался в жизнь. Но слово «жизнь» здесь как-то неуместно. Целью предпринятой операции было, как уже говорилось, вытеснение ингушей любой ценой. Всех до единого. Поэтому жестокость входила в набор средств, и удивляться ей нечего.

Неудивительно и то, что общественное мнение Северной Осетии, за малыми исключениями, поддерживало и оправдывало эту жестокость.

Весь сохранившийся со сталинских времен пропагандистский аппарат, дополненный нескрываемой уже националистической фактурой, обрушил на головы осетинских граждан набор впечатляющих штампов, слухов, легенд, душераздирающих подробностей. Сугубо штатский человек, владикавказский дизайнер рассказал мне по дороге: «Услыхав об отрубленных детских головах, насаженных в Чермене на колья забора, я прибыл в штаб народного ополчения и предложил использовать себя и свою машину для обороны республики».

По последним данным временной администрации, в дни войны, к счастью, не погиб ни один осетинский ребенок.

Из досье «Известий».

Сведения о погибших (по материалам расследования):

Всего в дни вооруженного конфликта погибли 546 человек. Из них — 407 ингушей, 105 осетин.

Среди погибших 41 женщина (33 ингушки, 5 осетинок), дети до 15 лет — двенадцать (все с ингушской стороны), люди старше 60 лет — 49 человек (42 ингуша, 7 осетин).

По другим подсчетам, убиты с той и другой стороны 1.300 человек.

ВЛАДИКАВКАЗ, ИНГУШЕТИЯ, ЧЕЧНЯ.

2—11 НОЯБРЯ

Со 2 ноября на территории Северной Осетии и Ингушетии было введено чрезвычайное положение. Вся власть в зоне ЧП придавалась временной администрации во главе с Георгием Хижой. Заместителем Хижи определили Сергея Шойгу. Почти два дня они обладали диктаторскими полномочиями, пока под давлением Северной Осетии президент не уступил и не выпустил новый указ, где, по сути, ограничил полномочия ме-

стных властей только на территории Ингушетии. Но властью и силой они не распорядились для умиротворения, а употребили их так, как если бы находились по одну линию фронта и противостояла бы им соразмерная мощь вражеской державы.

Впрочем, пытливый ум заместителя главы временной администрации толкнул его однажды на подвиг, сравнимый с поступками незабвенного Штирлица.

В ночь с 3 на 4 ноября он на автомашине «Волга» с двумя охранниками через Беслан и Майское приехал в Назрань на центральную площадь. Инкогнито.

В Назрани никто из местных руководителей его не ждал. На площади было много народа, шел митинг. Все выступления были на ингушском языке, и поэтому он ничего не понял.

Бронетанковой техники он там не видел. Ни с кем из местного руководства не встречался. Постоял, походил и беспрепятственно вернулся во Владикавказ таким же путем.

Так что же доложил центру глубоко законспирированный Сергей Кужугетович? «Ничего не понял»?

Пули он не побоялся. Не хватило только мужества в Назрани подняться на второй этаж здания, перед которым шел митинг, увидеть Иссу Костоева, Руслана Аушева, коменданта Мусу Цечоева, тоже, кстати, русских генералов, и выслушать «ту сторону». Чем иным объяснить тогда, что Сергей Шойгу, человек, несомненно, умный, деятельный и в своем деле знающий, закрывал глаза на то, что видел, и не видел того, на что смотрел.

Прибывшие в зону конфликта, а вернее, в столицу Северной Осетии г. Владикавказ, председатель ГКЧС Шойгу, генерал-полковник Филатов и генерал-полковник Саввин здесь уже бывали, имели устоявшиеся служебные и личные связи. Этими обстоятельствами можно было бы объяснить их откровенную проосетинскую позицию, если бы не два соображения. Высказывания и действия генералов были настолько односторонними, что могли расцениваться не только как политически бестактные, но и как провокационные.

Так, генерал-полковник Филатов выступая по владикавказскому телевидению, заявил: «Россия не забыла верных сынов-осетин, которые верой и правдой служили ей долгие годы. И уже сегодня воздушные десантники во взаимодействии с внутренними войсками России, министерства внутренних дел Северной Осетии начнут боевые действия... С каждым часом это давление на агрессора будет нарастать». Сообщив доверительно, что среди осетин он приобрел много друзей, верных друзей, видимо, таких, какими могут быть толь-

ко осетины, генерал предложил всем осетинским семьям покинуть зону конфликта, чтобы войска могли действовать беззглядно. «Я в основном придерживался того текста, который мне написал Галазов», — объяснил потом простодушно Филатов.

Хуже, что и вице-премьер российского правительства Г. Хижка, человек, чей интеллектуальный уровень защищен профессорским званием, а личные причины проосетинских симпатии неизвестны, сразу же по приезде и в последующем занял такую же одностороннюю позицию и, выступая по телевидению, заявил, что Сетия — верный друг России и им будут приняты все меры, чтобы очистить ее землю от ингушских агрессоров. Кроме того, ни одно из грубых антиингушеских заявлений осетинского лидера Галазова не было Хижой осуждено, не опровергались также многочисленные высказывания Галазова о совместных с российскими войсками действиях против российской же Ингушской республики.

Такое поведение высшего российского чиновника, посланного из Москвы с миротворческой миссией, высказывания и действия подчиненных ему генералов должны, казалось бы, немедленно побудить президента всех россиян отозвать и потребовать отставки скомпрометировавших себя и его должностных лиц и военных. Но ничего подобного до определенного срока не произошло. Похоже, что Хижка и прочие получили заранее отпущение грехов. Что до военных, то они публично президентским обращением освобождались от движений совести и от сомнений в законности приказов. «Ваши действия защищены, — объявил президент, — и гарантируются законом и подтверждаются народом». Но может ли быть, чтобы Б. Н. Ельцин давал индульгенцию войскам на расправу с мирными российскими гражданами? Ведь менее двух лет назад он обращался к тем же войскам с проникновенными словами: «Вам могут говорить, что с вашей помощью будет царден порядок в обществе. Но разве можно считать наведением порядка нарушение Конституции и законов, а именно к этому вас толкают те, кто стремится решить политические проблемы с помощью силы армейских подразделений... Выполняя приказ... применять оружие против гражданского населения, вы становитесь орудием в руках темных сил реакции».

Войска были те же: Псковская воздушно-десантная дивизия, законы те же. Мог ли так измениться президент за столь короткое время? Даже зная уже о трагическом опыте октября 93 года, не забудем, что в Пригородном районе речь шла не о мятеже, не об опасности раскола армии и гражданской

войны во всей России.

Но если предположить, что президент имел в виду не войну с гражданским населением, а боевые действия против армии другого государства, тогда все становится на свои места. Единственной армией, не подчинявшейся Верховному Главнокомандующему Б. Ельцину на Северном Кавказе была чеченская армия. Теперь приобретают хоть какой-то смысл заключительные слова президентского обращения: «Честь и достоинство России, ее безопасность и территориальная целостность должны быть обеспечены».

Ведь не может этот пафос относиться к конфликту между жителями двух маленьких российских республик...

Перед поездкой во Владикавказ 31 октября 1992 г. вице-премьер Георгий Хижа располагал секретным решением Совета безопасности Российской Федерации, подписанным Скоковым. Надо думать, что лицо такого высокого ранга, как вице-премьер, получило и устные сведения особо конфиденциального характера. О чем шла речь? Реконструировать можно по случайным обмолвкам в доступных документах и высказываниях увлеченного своей ролью Г. Хижи. А главное, по тому, что происходило в те несколько дней.

Тогда секретарь Совета безопасности РФ Скоков попытался ввести цензуру в СМИ России, разослав на телевидение и в газеты несекретную выписку из секретного решения. Но документ этот любопытен не этим естественным движением души Скокова, а внезапно возникшим чеченским мотивом. Средствам массовой информации России предписывалось не допускать «сообщений, провоцирующих эскалацию вооруженного конфликта прежде всего со стороны руководства Чечни как незаконно появившегося образования на территории Чечено-Ингушской ССР».

Г. Хижа, видимо, получил такой мощный толчок в Москве, что в первые сутки владикавказского гостевания все еще продолжал публично отрабатывать чеченский фактор. Разстерянным осетинским журналистам, добросовестно пересказывавшим правительственные слухи о мощном ингушском наступлении, он сообщил, что «пока никакой другой опасности нет, кроме той, что постоянно возникает со стороны Чечни», и многозначительно заметил: «Вопрос должен найти какое-то решение». И еще раз: «Этот вопрос должен быть в поле зрения руководства России, и он должен быть разрешен».

Однако чеченцы проявляли не предусмотренную Москвой индифферентность, а Дудаев так и вовсе объявил о своем нейтралитете. Но прибывшую в Осетию миротворческую че-

ченскую миссию в присутствии Хижи 4 ноября не простили во Владикавказ. Досадное миролюбие чеченцев явно раздражало главу Временной администрации. Раздражение обратилось против генерал-полковника Саввина. Командующему внутренними войсками ставилось в вину, что он несвоевременно ввел их в зону конфликта. Саввин же упорно твердил, что не согласен с вводом войск в Ингушетию. Так до 10 ноября и не пришлось на плечах отступающей чеченской армии ввести русские танки в Грозный.

Трудно сказать, какую роль в этом очередном гениальном плане играл вице-президент Руцкой, но когда-то он в отсутствие президента уже пытался ввести ЧП в Чечне и стереть в порошок дудаевский режим, а добился безоговорочной консолидации чеченского народа и резкого роста авторитета президента Дудаева.

Кто придумал следующий неуклюжий ход, неизвестно. Но только «для недопущения массовых беспорядков и изъятия незаконно хранящегося оружия и боеприпасов у населения» 10 ноября в Ингушетию были введены войска. Тяжелые танки Т-72, большое количество бронетехники и десантных войск двинулись на Чечню. Именно на Чечню, поскольку между Чечней и Ингушетией никаких границ не было, да нет и до сих пор. Чеченцы из окрестных сел выссыпали на дорогу, перегородили бензовозами шоссе, а Дудаев ввел чрезвычайное положение. Опять запахло большой кавказской войной.

На следующий день, 11 ноября, и о. премьера российского правительства Гайдар подписал с представителями Ингушетии и Чечни соглашение об отводе войск.

Затем с «ингушской агрессией» теряла для российского центра привлекательность. Участие в ингушском погроме сдавы русскому оружию не принесло. Очередная миролюбивая акция обернулась большой кровью и позором, правда, не очень кромким. Российская пресса за редкими исключениями организованно отмалчивалась, а Запад, не имея пока интереса в этом непонятном кавказском кotle, поостерегся вмешиваться в семейные дела россиян.

Все три «силовых» министра — Грачев, Баранников и Ерин, прибывшие накануне на театр военных действий, также негромко убыли. Саввин ушел в отставку. Ушел и Хижа.

Можно было сомневаться в мотивах поведения вице-премьера Г. Хижи, но его намерения объявлялись публично, распоряжения не расходились с намерениями, и даже личные симпатии к осетинскому руководству он не считал необходимым скрывать. Трудно предположить, что Хижа не предвидел жертв и разрушений, последовавших за его приказами. Но

там, где бывалые генералы с отвращением отворачивались, он шел до конца. Генералам советовал изжить «тбилисский синдром». Он знал, что отвечает только перед теми, кто его назначил, и не ошибся. Когда пришло время, он ответил и за дилетантизм московских политиков, и за собственное усердие. Хижа исчез с политического горизонта.

IV. БОРЬБА ЗА МИР

Все войны кончаются. Окончилась и эта.
И наступил мир.

И этот мир был нов, хотя образы его странно что-то напоминали.

В начале лета на знаменитом приграничном Черменском круге, где сходятся для официальных встреч и тихих деловых переговоров осетины и ингуши, где обмениваются заложниками и информацией, представители северо-осетинского Минздрава передавали ингушскому Минздраву под наблюдением специалистов российского Минздрава пятерых пациентов республиканской психиатрической больницы. Передавали, так сказать, по принадлежности: все пятеро — ингуши.

День стоял солнечный, больные выглядели ухоженными. «Мы берегли их больше своих», — сказала главврач из Владикавказа. Стороны были явно довольны друг другом, выражая готовность к новому «диалогу». Общую атмосферу благодушия чуть было не испортил больной Магомед А. Он плакал, не хотел расставаться с друзьями по палате, с врачами, которых любил. Откуда было знать Магомеду А., что невозможность совместного проживания осетинских и ингушских душевнобольных узаконена специальным постановлением парламента СО. Умалишенный он и есть умалишенный.

В пятидневной осетино-ингушской войне Черменский интернат слабоумных оставался островом благородства в сумасшедшей бойне. Когда нормальные жители, постреляв друг в друга, покинули в разных направлениях село, слабоумные взяли судьбу в собственные руки, проявив при этом образцы здравомыслия и взаимопомощи. Деление людей по пятому пункту оказалось их слабому уму недоступно. Так их и застали вошедшие в Чермен российские военные — всех вместе. Говорят, и этот интернат собираются расформировать: осетин в одну сторону, ингушей — в другую.

И не нашлось в тот день ни одного крепкого ума, кто бы, оглянувшись окрест, спросил: а чем это мы здесь занимаемся?

Наступил мир, доступный пониманию лишь скучного ума. Одна российская республика силой оружия победила другую

Совете Министров СССР в ЦК КПСС от 1 апреля 1957 года №. 682-Е).

В нарушение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 июля 1956 года бывшие спецпереселенцы ингушской национальности неорганизованно и в массовом порядке возвратились к прежним местам жительства...

Докладывая об изложенном, Комитет государственной безопасности считал бы целесообразным поручить Совету Министров РСФСР срочно принять меры к устранению причин, вызывающих нездоровую обстановку в Северо-Осетинской АССР.

Председатель Комитета Государственной безопасности при Совете Министров СССР И. СЕРОВ.

Несомненно, шеф КГБ, озабоченный осложнением политической обстановки в Северной Осетии, не мог не знать, что запрет на возвращение чеченцев и ингушей на родину уже три месяца как отменен.

В один и тот же день (9 января 1957 года) почти под одинаковым заголовком («О восстановлении Чечено-Ингушской АССР...»), один в развитие другого, изданы два Указа, союзный и российский, резко противоречащие один другому. Первый отменяет, как утративший силу, Указ «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР...» и, следовательно, возвращает республику в границы февраля 1944 года. Второй, российский Указ, в перечне возвращаемых Чечено-Ингушетии районов не упоминает Пригородный район, чем делает восстановление ее в прежних границах невозможным, а возвращение ингушей на родину весьма проблематичным.

Исса Магомедович Костоев, опытный правовик, переворошил кипы бумаг в архивах, пытаясь отыскать хоть какой-то серьезный, пусть по тем временам, законодательный акт, закрепляющий Пригородный район за Северной Осетией. И — не нашел! Более того, до 1978 года по Конституции Чечено-Ингушетии Пригородный район числился в ее составе и только после 1978 года Северная Осетия внесла его в свою Конституцию. При строго юридическом подходе, если опираться на единственно правомочный документ во всей этой цепочке указов — Указ «О восстановлении Чечено-Ингушской Республики», отменивший репрессивные акты, то Пригородный район все эти годы принадлежал и принадлежит Ингушетии. Если, конечно, по примеру Северной Осетии не взять единственно за основу сталинско-бериевский Указ о депортации и ликвидации республики.

«Декларация Верховного Совета СССР «О признании не-

законными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению и обеспечении их прав», принятая съездом народных депутатов СССР под аплодисменты 14 ноября 1989 года, и «Закон о реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 года, подписанный председателем ВС РФ Б. Н. Ельциным, не оставляют на этот счет никаких сомнений. Они вновь и вновь безоговорочно утверждают, что «утрачивают силу все акты союзных, республиканских и местных органов в отношении репрессированных народов, за исключением актов, восстанавливающих их права».

Тем не менее судьба нового Закона «О реабилитации...» сложилась драматично, его первым противником стало руководство КПСС.

Из открытого письма народного писателя Чечено-Ингушетии, делегата I съезда писателей СССР Идриса Базоркина Генеральному секретарю ЦК КПСС Горбачеву М. С. (июнь 1991 г.).

Я вступил в кандидаты партии в 1942 году, когда немец бомбил нефтепромыслы г. Грозного. Я был военным корреспондентом и верил в силу партии.

Я получал партбилет в 1944 году 24 февраля. Последний партбилет в уже не существующей Чечено-Ингушской республике. Мой народ в тот день уже сутки был в пути, изгнанный из собственного дома, а часть его была расстреляна на месте.

Наконец 26 апреля 1991 года Верховным Советом РСФСР был принят Закон «О реабилитации репрессированных народов». Так справедливость этого Закона не вызывала сомнения ни у одного порядочного человека. У нас был настоящий праздник.

Но вот Постановление Секретариата ЦК КПСС от 13.06.91 г. «О некоторых проблемах связанных с реабилитацией репрессированных народов. Это постановление, направленное на блокирование Закона РСФСР «о реабилитации репрессированных народов», направленное на провокацию межнациональных конфликтов, поставило последнюю точку.

Я отсылаю вам свой партбилет, так как считаю невозможным для честного человека состоять в партии врагов народа.

Самому крупному ингушскому писателю Идрису Базоркину довелось встретить август 1991 года, пережить возрождение надежд и новое их крашенине: подписанный президентом РФ 4 июня 1992 года Закон «Об образовании Ингушской республики в составе Российской Федерации» деклари-

ровал новое государственное образование на бумаге: без территории, без границ, без столицы, без управляемых и хозяйственных структур и связей, с трудоизбыточным населением. Зато упомянуты «интересы казачества и возможность расширения его самоуправления» и установлен переходный период до марта 1994 года. До этого срока писатель уже не дожил.

На второй день осетино-ингушского конфликта 82-летний прозаик был увезен из своей владикавказской квартиры, в заложниках оказалась и его семья. Позже, под давлением общественности, Базоркин был отпущен в Назрань. Утрата своего дома и архива (квартира занята, судьба архива неизвестна) и, главное, трагедия его народа подорвали силы писателя — весной 1993 года Идриса Базоркина не стало:

III. ТЕАТР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Около 3 часов ночи Хиж, Шойгу и Филатов отправились в загородную резиденцию отсыпаться. Только уснули, как их разбудил шум боя.

Командующий внутренними войсками Саввин ночевал в кабинете начальника училища и, узнав об интенсивной перестрелке у правительенной резиденции, отправил туда наряд. Наряд доложил: «Свои стреляют». Наряд испортил спектакль, и стрельба прекратилась.

Большая часть сообщений о происходящем, как отмечали председатель ГКЧС Шойгу, его заместитель генерал-полковник Филатов и командующий внутренними войсками генерал-полковник Саввин, были вымыслом и инсценировками. Особенно этим отличались МВД Северной Осетии, МВД республики и их пресс-центры. Казалось, пересказываются эпизоды заранее сочиненного сценария. То военные, то сотрудники МВД докладывали периодически о движущихся откуда-то ингушских танках, о прорвавшихся ингушских бэтээрах, об ингушской артиллерией. Сообщения преимущественно делались в устно форме, а решения нужно было принимать немедленно.

Шойгу доложили, что в ингушском населенном пункте Мужичи, по оперативным данным, обнаружены два самолёта СУ-25. Он приказывает вертолётам вылететь туда для проверки, а ему со смехом объясняют, что в горном селе Мужичи народ сроду асфальта не видел, не то, что взлетной полосы для Су-25.

Еще накануне конфликта командующему внутренними

войсками поступила информация из МВД Северной Осетии о выдвижении танков со стороны Чечни, бронеобъектов со стороны Ингушетии, об обстреле административных зданий в Тыргородном районе. Всякий раз проверка показывала, что сообщения не соответствуют действительности.

В дни вооруженного конфликта интенсивная разведка, в том числе с воздуха, опровергала данные осетинской стороны о наличии у ингушей какой-то стройной системы вооруженных формирований. Не было у них ни бронетехники, ни танков, ни реактивных установок «Град». Но авторитетность источников, среди которых были не только силовые ведомства республики, но и государственные деятели, заставляла еще и еще раз проверять поступающие сообщения.

Судя по заявлениям руководства Северной Осетии, то в одном, то в другом месте ингушские вооруженные формирования захватывали отделы внутренних дел. В Октябрьском у Саввина находился для связи офицер, и достаточно было снять трубку, чтобы убедиться: его опять обманули.

И все-таки без конфуза не обошлись. То, что произошло в тот день в Дачном, Чермене и на Черменском круге, можно объяснить только тем, что военных поставили в положение актеров, знакомых с сюжетом пьесы, но не знающих ролей и вынужденных импровизировать. Прибывший парашютно-десантный полк Псковской дивизии ВДВ отправился сразу для прикрытия Чермена. Начали они выдвигаться под вечер, и, когда разведрота на БМД подошла к Чермену, прозвучали выстрелы. Командиру показалось, что по ним открыли огонь. В темноте по ошибке подошли не к Чермену, а к Дачному. Открыли «ответный» огонь по окраинам и Дачного. Одна боевая машина, разворачиваясь у моста, подорвалась на мине, погибли два десантника. Вторая, БМД, как доложили командиру, захвачена противником (впоследствии выяснилось — заблудилась и заехала в Назрань).

Десантникам почудились танки. Комполка сообщил находившемуся в штабе корпуса заместителю командующего ВДВ генералу Чиндарову, что он ведет бой и огонь очень плотный, плотнее, чем в Афганистане. Около часу ночи очередной доклад — уже о столкновении с неизвестными бронесилами. Саввин по телефону связался с Чиндаровым, и тот подтвердил, что ведет тяжелый бой, а на вопрос о потерях ничего не мог сказать. Прибывший в штаб корпуса Саввин застал разговор Чиндарова с командующим ВВС России. Чиндаров просил авиационной поддержки. Она была ему обещана. Сообщили, что поднимают на подмогу самолеты с ряда аэродромов.

опоздал и незаметно сел где-то в задних рядах. Не выступал, только слушал. А когда все встали, не заметить его было уже невозможно, рост и облик у него были поистине генеральские. Съездом он был доволен, и, хотя среди выступлений были достаточно резкие, какой-то камень, похоже, свалился у него с души, возможно, чего-то наговорили, ждал худшего. И, не зная, что я бывала в этих местах, стал меня уговаривать не тревожиться, все идет правильно, и народ здесь хороший, все верно понимает. Тут он сказал фразу, которую я уже цитировала в оперативной заметке из Назрани, что ингуши, к сожалению, слишком оглядываются назад, на свою незадачливую судьбу, а адти вперед с повернутой назад головой нельзя. В словах его я уловила (отчасти к своему удивлению, репутация у Поляничко в нашей среде была не из лучших) обыкновенное сочувствие, желание что-то сделать для этих людей.

Да, он уже и делал, даже учредил Фонд помощи беженцам и твердо стоял за возвращение их к местам прежнего проживания. Во вторник в кабардинском городе Терек было назначено заседание смешанной комиссии, стороны должны были утвердить названия четырех сел Пригородного района, куда в первую очередь вернутся ингуши. Встреча состоялась, но это была опять очередная затяжка времени. Его смерть на полгода отодвинула определение этих четырех сел, они названы только в декабре, после поездки Б. Н. Ельцина на Северный Кавказ. Но назвать — не значит осуществить. А Поляничко был человек дела. Коллеги по Временной администрации помнят его как очень сильного, жесткого, мужественного, но и доброго человека. Вспоминают его слова, фразы. Корреспонденты его как-то спросили, при каких обстоятельствах он мог бы приказать войскам открыть огонь, и он ответил: «Только салют!». Однажды выразил кому-то: «Народ умнее всех правительств и администраций»...

Но это слова человека, пожелавшего послушать народ не только на митингах. Сейчас в Северной Осетии проходят сельские сходы, протестующие против указа президента Ельцина о возвращении ингушских беженцев для начала в четыре населенных пункта Пригородного района. Среди контраргументов, выдвигаемых «народом»: сперва дайте оценку агрессии, найдите и осудите убийц. Но, как хорошо известно организаторам сходов, речь идет о первых 15 тысячах человек, «отфильтрованных» прокуратурой и комиссиями, среди них нет преступников. Значит, дело в чем-то другом?

Правда о вооруженном столкновении, конечно, нужна.

Одна из причин ее торможения, наверняка не главная, — как сказать ее, не обидев ни одну сторону, сначала ее хотят сгладить, усреднить, вогнать в рамки межэтнического конфликта... Но в любом случае ставить в зависимость от обнародования этих оценок житейское существование шестидесяти четырех тысяч человек, преобладающая часть которых — дети, и бессердечно, и экономически невыгодно, и просто абсурдно.

В поездке Б. Н. Ельцина все и обнажилось. Идет нажим, торг. Вы нам оставляете Пригородный район, мы будем дозировать возвращение туда ваших людей. Но торг есть торг, в нем тем более желательно присутствие закона, а здесь им и не пахнет.

Все войны оставляют победителей и побежденных. В этой победителей нет, есть победитель — Ахсарбек Галазов.

Конечно, придет время, осетинский народ воздаст ему по заслугам, но время не только приходит, но и уходит, на то и расчет.

Антигалазовская оппозиция еще за два месяца до вооруженного конфликта обращалась к президенту России с просьбой «детально разобраться не только с политической ситуацией, но и фактами намеренного обострения межнациональной напряженности, проконтролировать расходование финансов, направляемых российским правительством в Северную Осетию». Люди, знакомые с политической кухней Владикавказа, предупреждали: «В Северной Осетии уже давно произошло размежевание между коррумпированными, аморальными и вороватыми властями, с одной стороны, и народом — с другой»...

Ну, и где эта оппозиция? А Галазов сначала объявлен в Северной Осетии «человеком года», теперь избран первым президентом республики. Демократическая оппозиция режиму замолкла и, чтобы не быть обвиненной в национальном предательстве, либо ушла в сторону, либо слилась с властями в едином национально-патриотическом порыве. В списке итогов пятидневной войны в Пригородном районе это едва ли не главный.

Но победить оппозицию мало. И генетическая память А. Галазова подсказывает ему слова, достойные сталинской речи: «Органам внутренних дел и безопасности необходимо повести решительную борьбу против провокаторов и шептунов всех мастей и окрасок». В общем, оппозиции обещана Колыма.

Конечно, трудно понять: Осетия всегда отличалась своей интеллигенцией, и осетины справедливо гордятся многими

именами, составившиму славу не только маленькой республики, но и всей России. Но обмануть интеллигенцию несложно, она сама обманываться рада. И не обязательно искать примеры за рубежом, когда целый народ был бы обманут фальшивой идеологией и обслуживающей ее пропагандой. А мы во всем бывшем Союзе давно ли очнулись? И разве слышен был бы голос Сахарова, когда б гремели военные оркестры, а телевидение и газеты ежедневно сообщали, что враг у порога.

Есть, однако, аргументы, их никакой музыкой не заглушить — экономика. Может быть, вопреки наветам процветает при Галазове Северная Осетия, и режим, как бы ни морщился от него оппозиция и просто порядочные люди, тем не менее обеспечивает гражданам безбедную жизнь, а России — изрядные поступления в казну? Насчет безбедной жизни умолчим, о том особый разговор, а вот о поступлениях в казну есть точные количественные данные. В одном из июньских номеров прошлого года газета «Сегодня» опубликовала любопытную таблицу разницы между суммой федеральных налогов и суммой дотаций регионам в расчете на душу населения. За исключением Республики Коми Северная Осетия в прошлом году больше всех получила из общей казны и меньше всех вложила в нее. Чтобы понятнее было, насколько велика эта дыра в федеральном кармане, нужно еще сказать, что все вместе — Тыва, Татарстан, Дагестан, Калмыкия, Карелия, Бурятия, Саха-Якутия, Марий-Эл, Кабардино-Балкарская Республика, Башкирия, Чечня и Ингушетия да еще Камчатка и Иркутская область наделали меньше проторей России, чем одна эта маленькая северокавказская республика. В каком-то смысле это мы с вами, российские налогоплательщики, вооружаем этот регион так, что по количеству военного металла на душу населения нет ему равных в мире. Это мы с вами оплатили убийство каждого осетина и каждого ингуша, погибшего в бессмысленном и исторически бесперспективном конфликте.

Надо отдать должное Галазову. Не поступаться принципами — не его лозунг. Галазов — успешливый и pragmatичный политик.

О цели своей он всегда помнит. Он может, конечно, не угадать, попасть впросак — велика инерция стиля, но отряхнется, постарается забыть, постарается, чтобы и другие забыли, и те, кто должен забывать, — забывают, остальные — неважно.

Уж как сумел усложнить и без того непростую проблему беженцев, обложив ее правильными словами «поэтапно»,

«ненасильственно», «комплексно», «места компактного проживания». Сколько преград поставил, а они все-таки возвращаются. Жизнь берет свое. В Чермене живут уже две с половиной тысячи ингушей, в Карца, под самым Владикавказом, — полторы. Стихийно, не дожидаясь конца переговоров, вернулись на свои пепелища десять тысяч человек. Вот этой простой необоримости жизни не учел Галазов и... стал отставать. И уже не скажешь, что и в политике он не отстал, если Владикавказ в дни годовщины трагических событий — все о подвигах, о славе, о готовности отразить новую агрессию, а Назрань в те же поминальные дни не забывала сказать благодарственные слова о соседях-осетинах, спасавших у себя ингушские семьи, а таких случаев — сотни; и жаль, что имена этих людей во Владикавказе по-прежнему нельзя произнести вслух. А ведь в них-то (а не в «компактном расселении») надежда, в них-то и есть подлинная победа жизни над враждой.

V. ХОЛОДНАЯ ТОЧКА

Защита жизни и права граждан, ингушей ли, осетин, — это смысл и цель существования Временной администрации. Для того и вводилось чрезвычайное положение в зоне конфликта. Законом о ЧП РФ предусмотрена особая форма правления на территории его действия. Исполнение закона, кстати, сделало бы совершенно излишними споры о введении федерального правления в Пригородном районе — оно уже законом о ЧП было предусмотрено, если б не Указ президента от 4 ноября 1991 года. По этому Указу, исправлявшему предыдущий, изданный за день до него, Временная администрация, по существу, лишалась административных прав на территории Северной Осетии, т. е. в зоне конфликта. Там продолжали действовать старые и новые законы СО ССР и принимались бесчисленные новые постановления, резко противоречащие стабилизации обстановки, сохранялась вся исполнительная власть, формально подчиненная Временной администрации, а по сути откровенно игнорирующая ее. В селах Пригородного района оставались осетинская милиция, ОМОН, республиканская гвардия.

Временная администрация в сложившихся условиях для защиты жизни тех же ингушей вынуждена отдать приказ подчиненным ей войскам не пропускать их на территорию Пригородного района. Создалась нелепая ситуация: российские войска и представители федеральной власти даже в ранге вице-премьера, оказались в роли исполнителей позорного постановления Северо-Осетинского парламента!

Любой осетин, честный ли человек, мародер ли, имеет право, никого не спрашивая, приехать в села Пригородного района. Из сожженных ингушских домов, — а их там более трех тысяч, теперь уже нечего унести, снимают отопительные батареи, унитазы, увозят кирпич из стен. Ингуш к своему бывшему дому не может подъехать иначе, как записавшись за неделю, где-то там его еще проверят, профильтруют, посадят в автобус, и в сопровождении бэтээра с солдатами он отправится в небезопасное путешествие — бывало, что целыми автобусами брали в заложники, забрасывали камнями, вытаскивали из салона и избивали. Пятерка юных испуганных конвойных против трех десятков матерых боевиков — какая защита?

Само существование в таких условиях Временной администрации становится в большой мере бессмысленным. Первый закон административной системы — чем меньше ожидаемый результат, тем большее число чиновников должно его добиваться. По этой причине количественный состав Временной администрации неуклонно растет: сейчас, кажется, его собираются увеличить еще на 600 человек. Уютный Владикавказ, где устроились большей частью командированные из Москвы, следует считать не горячей, а теплой точкой. Осетинские власти внимательно присматривают за ними и усердных поощряют. Можно бы счесть это выдумкой, кто бы поверил в такую откровенную покупку, если б не свидетельство осетинской же газеты: «За семь с половиной месяцев 1993 года приказами МВД СО ССР поощрены 268 военнослужащих войсковой и оперативноследственной групп, что составило 6520 тысяч рублей».

О следственной группе — разговор особый. Сотни убитых, пропавшие без вести (их в Ингушетии только официально зарегистрировано все еще более 300 человек), незахороненные трупы родственников, кое-как присыпанные где-то землей, подростки с одичалыми глазами, умирающие на чужих матрацах отцы бывших семей — сам дым очагов Назрани со стойким привкусом беды и преступления. А много ли мы знаем приговоров? Но речь сейчас не о том. Жизнь продолжается, требует устройства и порядка. Республика создана, может, и «на бумаге», но гражданин-то в ней живые и ставят перед Временной администрацией обыкновенные житейские вопросы, которые она не решает. Почему?

Второй год Ингушетия по существу живет в блокаде. Железнодорожные грузы с гуманитарной помощью, с остро необходимыми вещами доходят до станции Беслан (Северная Осетия), обеспечить их прохождение дальше на Ингу

шетию (всего-то шесть километров до следующей — ингушской станции Далаково) ни Временная администрация, ни приданые ей войска не могут. Из-за одного этого шестикилометрового перегона по территории Северной Осетии грузы приходится завозить кружным путем через Астрахань. Много ли нужно солдат, чтобы от станции Беслан сопроводить грузы до Ингушетии? Во имя чего тогда находится здесь такой огромный и дорогостоящий армейский контингент?

Государство выделило миллиарды на обустройство беженцев. Их не отдают пострадавшим ингушам и даже объясняют — почему. Во-первых, деньги не осваиваются, во-вторых, деньги-то предназначены не ингушским изгнаникам, а для «комплексного решения проблемы беженцев» (так указано в известных Кисловодских соглашениях). И надо сказать — отвечают им правильно. Ингуши средством освоить не могут, так как их к своим разрушенным домам непускают, а уж о стройматериалах и механизмах речи нет.

Все это можно объяснить только тем, что глава Временной администрации, каковы бы ни были его личные качества, ограничен в своих действиях и мало что может. Должно быть, по этой причине главы надолго не задерживаются. За год они менялись семь раз. И едва ли не все, как когда-то генерал Филатов, следовали «тексту», составленному для них Галазовым.

Уж сколько надежд возлагали на Шахрая, и он сделал поначалу все, чтобы ничем не походить на своего предшественника Г. Хижу. Во Владикавказе поселился на территории общевойскового военного училища, облачился в форму российского офицера-десантника, ел из солдатского котла; в Назрани, где не было гостиницы, поставили на запасном пути списанный пассажирский состав для командированных, одно из жестких купе занимал С. Шахрай.

В отличие от Хижи, не пересекавшего, как известно, границу Ингушетии, Шахрай уже через три дня после своего приезда, 17 ноября, выступил в Назрани на площади. Никому не обещал скорого благополучия, но возвращение ингушей в места их прежнего коммуниктного проживания в Пригородном районе от имени Временной администрации гарантировал. Однако это трудно сделать, предупредил он, пока не будут разоружены незаконные формирования на территории Северной Осетии.

А уже через две недели на брифинге во Владикавказе выступил с не меньшей убежденностью: «Это существующие формирования. По решению правительства Северной Осе-

тии, поддержанному и Временной администрацией, идет тщательный учет оружия, боевой техники и личного состава этих подразделений».

«Я не противоречив, я диалектичен», — сказал Шахрай журналистам. Да, диалектику учил он не по Гегелю. Все еще находясь во Владикавказе, он и на ингушских беженцев взглянул иначе: «Проблему беженцев будет решать комплексно, ведь под эту категорию подпали и ингуши, и осетины, и русские, покидающие Ингушетию и Чечню». Как будто во время пятидневной войны с кровью выдавили из Пригородного района не ингушей, а граждан Грузии или Узбекистана. Что до казаков, вернее, русских (русские на Северном Кавказе, как и в других республиках — особая проблема), то их изображают нескончаемым потоком беженцев в Северную Осетию, хотя, по данным миграционной службы самой Северной Осетии, русских прибыло в республику 473 человека, сколько убыло — не сообщается. Для остатков строится потемкинская деревня под Владикавказом.

Вторым после «комплексного решения» изобретением С. Шахрая, была запись в трудовых книжках депортированных ингушей: «уволен по соглашению сторон». Изdevательский смысл записи очевиден, хотя, возможно, автор счел это компромиссом.

Воздух, что ли, во Владикавказе такой, что обладает убедительной силой воздействия на российских наместников? Среди пяти следующих команд уже не нашлось охотников по примеру Шахрая пытаться из солдатского котла или спать на жесткой полке в Назрани. К весне из ингушской столицы убрались дольше других задержавшиеся следователи из объединенной группы Прокуратуры РФ, МБ и МВД. А к лету отпала нужда и в самой гостинице на колесах, поезд в буквальном смысле ушел. А с ним и последние надежды депортированных на заботу о них Временной администрации.

Уже находясь в Москве, Шахрай в интервью «Известиям» (10 января) выскажет далеко идущую мысль: «Наше государство ослаблено, а в слабом государстве не может быть и примата формального права». Ну тогда, конечно...

Во Владикавказе (не в Назрани!) Шахрай доверительно сообщил слушателям, что сам он родом терский казак из близких мест. В ходе предвыборной кампании он съездил в казачьи края за голосами и пообещал, что юг России станет особым приграничным районом страны, и казакам (как в прошлом веке, — И. Д.) там найдется дело. В ответ он получил чин полковника и казачью экипировку. Что ж, каму-

фляжную форму десантника он уже носил, теперь самое время надеть маскарадную казачью. Остается только надеяться, что у Сергея Михайловича хватит такта не навесить себе пару Георгиевских крестов за урегулирование осетино-ингушского конфликта.

Но как все-таки случилось, что «победители» забрали себе столько власти, создавая тем самым проблему, вышедшую даже за рамки осетино-ингушского конфликта? Они отказываются признавать российские законы на территории своей республики, отказываются от переговоров, как метода решения политических конфликтов. Беспрецедентная зависимость Владикавказа от Федерации позволяла употребить власть, не употребляя силы, разъяснив осетинскому руководству губительные последствия для республики и ее руководителей беззаконного своеволия. Можно было напрямую обратиться к обманутому осетинскому народу.

Тогда, год назад, выбрали другой путь. Возможно, потому, что Дудаев казался из Москвы опасностью еще большей для Российской державы. Кстати, сам Дудаев, не исключено, был готов тогда на глубокие компромиссы, но казачья идеология оказалась сильнее здравого смысла. И Назрань стала точкой холодного расчета на карте российской политики.

Что делать в горячих точках планеты, знают все политологи и конфликтологи. Что делать в холодной точке России, по-настоящему не знает никто. Попытки выдать за этнополитические исследования грубое потакание региональным властолюбцам или столичным великодержавным дилетантам способны привести к вспышке сверхстарой вражды. Есть три точки зрения людей, крайне заинтересованных в будущем зоны конфликта.

Одна принадлежит президенту Ингушской республики Руслану Аушеву. Нужно, считает он, в полном объеме ввести чрезвычайное положение на территории Пригородного района, где проживали совместно осетины и ингуши. Нужно упразднить ЧП во всей остальной Северной Осетии, включая Владикавказ, а также на территории Ингушетии. В зоне конфликта вся власть должна принадлежать Временной администрации. Все воинские формирования, контролируемые властями Осетии и Ингушетии, должны быть выведены за пределы территории конфликта и в дальнейшем разоружены и распущены. Незаконное хранение любого оружия должно наказываться в рамках Закона о ЧП в РФ. Применение оружия нужно пресекать силой. Вся правоохранительная система рекрутируется из граждан, не проживающих на Се-

верном Кавказе. Экономическая помощь и финансовые средства, поступающие для восстановления территории, направляются только Временной администрации, ею распределяются и под ее контролем осваиваются. Пусть у коменданта, назначенного в каждый населенный пункт, будут выборные помощники от двух общин. Во всем остальном людям нужно жить по-людски. Пусть восстанавливают дома, пусть засеют поля и уберут урожай; пройдет время, они притрутся друг к другу и, дай Бог, не поддадутся новым обманам.

Другая точка зрения принадлежит осетинскому руководству и общеизвеста: нет — совместному проживанию осетин и ингушей. Эта идея навязывается осетинскому народу и по крайней мере публично большинством поддерживается. Если в России разовьется экономическая и политическая свобода, то такое решение проблемы не найдет поддержки ни в Осетии, ни в Ингушетии, ни для какого-то другого российского региона.

Но тогда, возможно, придется согласиться с третьей точкой зрения, изложенной в президентском Указе: поэтапное возвращение для начала в четыре населенных пункта зоны ЧП ингушских беженцев. На время существования ЧП юридический статус территории не изменяется.

Возможно, существуют еще какие-то способы развязывания тугого узла. Обязательны лишь честные намерения и благожелательное отношение к интересам друг друга. Добиваясь справедливости для ингушей, нельзя, конечно, забывать и о том, что в Пригородном районе выросли уже поколения осетин, для которых он тоже единственная родина.

А пока президентский Указ не удовлетворяет в полной мере ни одну из сторон. Почему, спрашивает Иса Костоев, ингуши могут вернуться в четыре села, а не в три или семь? Значит, в одних селах будет одно чрезвычайное положение, в других — другое.

И Галазов недавно успокаивал жителей Северной Осетии: «Пожалуйста, не бойтесь! Указ президента РФ — это не первый Указ... Мы найдем, что противопоставить любой силе».

И — нашел!

Появившаяся на днях из недр Госкомнаца бумага, уже подписанная премьер-министром, предлагает ведомствам Осетии и Ингушетии подготовить рекомендации об отмене 3-й и 6-й статей Закона «О реабилитации репрессированных народов», во вторых поручает охрану возвращающихся в четыре села Пригородного района беженцев-ингушей российскому МВД совместно с правоохранительными органами Пригородного района. Надо так понимать, что ингушей оять по-

ручают охранять тем, кто их убивал. Названная бумага — это Перечень поручений премьер-министра Российской Федерации Черномырдина в развитие нальчикских договоренностей. Как, однако просто обходятся в государстве нашем с жизнью и судьбой сотен тысяч людей, да что там! — судьбой собственного народа, с его историческим выбором. Какими простыми, порой простейшими мотивами объясняется политический шаг, который следовало бы обсуждать прежде, чем делать.

Нет никаких сомнений, что у России есть право защитить себя от распада. Но мы всегда идем непроторенными тропами... рядом с автострадой. Разве мы первые и единственны в мире, да и в собственной истории? Разве не было в пределах Российской империи и Бухарского эмирата, и Хивинского ханства, и царства Польского, и Великого княжества Финляндского со своими эмирами, ханами, сеймами, парламентами, даже с собственной валютой?

Мы, кажется, боимся, не показав силу, прослыть бессильными. Между тем Россия заслужила как раз остороженное внимание непродуманностью национальной политики. Мы готовы то жизнь положить за родной Тирасполь, то учинить Чичне блокаду, то поднять казаков и омоновцев против «лиц кавказской национальности», то угождать национальным лидерам, то на целые народы обрушить свой державный гнев. В одинаковых ситуациях мы поступаем по-разному, вынуждая подозревать себя в лукавстве. И никому невдомек, что мы, великая держава, просто стоим и чешем в затылке. Сколько уже приходилось видеть концепций национальной политики, подготовленных непрофессионалами. Национальная политика не может быть предметом дилетантских экспериментов назад на территории России, и первую российскую республику. В ином случае югославский вариант нам не грозит. Нам грозит нечто неизмеримо худшее.

Нет, пока Россия ослаблена, право должно быть особенно сильным. Иначе власть перейдет к гибким юристам или сыновьям юристов.

* * *

Нас приучают понемногу, шажок за шажком, глоток за глотком. Дают попробовать. Горько? Но куда денешься, говорят. Всем несладко.

Когда в Тбилиси солдаты изрубили лопатками девятнадцать человек, стон стоял по всей стране, на съезде народных депутатов СССР допрашивали Крючкова и Лигачева, Язова и Шеварднадзе. Комиссии одна за другой отправлялись в Тбилиси, ленинградскую газету с докладом Собчака передавали из рук в руки. Потом Кипианов

ингушские дома в Пригородном районе, сотни погибших. И где писатели и композиторы, кинематографисты и депутаты? Где Анатолий Собчак? Генерал Аушев с горечью говорит, что случись такое в Прибалтике, весь мир ходил бы ходуном. А Кавказ для этого мира — Восток, а на Востоке людей считают на миллионы.

Наконец-то тбилисский синдром преодолен. И теперь в военной доктрине Российской Федерации предусмотрено привлечение воинских формирований для содействия войскам МВД. Теперь армия стала нескрываемым элементом политики. А генералы — весомыми политическими деятелями. Насколько хватит у них терпения таскать головешки из огня, чтобы зажечь чью-то сигарету, и не захочется ли им самим затеять перестройку? Кого тогда звать на помощь? Впрочем армия вне политики — это пережиток демократических иллюзий эпохи Сахарова.

Армия не раз использовалась политиками друг против друга и все чаще предпринимала самостоятельные действия либо с ведома политического руководства, либо движимая собственными симпатиями, а скорее — антипатиями. Приднестровье, Абхазия, Ингушетия. Кто знает, что здесь было санкционировано междуусобными ветвями власти, а что внутренним убеждением какого-нибудь генерала.

Погромы «лиц кавказской национальности», обещанные национал-патриотами, впервые организованно проведены в Ингушетии. Кто погромщикам отпустил заранее грехи, гадать не стану. Знаю только, что ни один волос не упадет с их головы. Нас приучают понемногу, и ко многому уже привыкли.

Это мы остро почувствовали в Москве начала октября с ее обманутой толпой и танками на улицах. И еще острее в дни нашего всероссийского выборного мятежа. Оказалось, что мы ничего не знали ни о своей стране, ни о себе, ни о своем народе. Кто-то пугал социальным взрывом, и мы воображали разгромленные ларьки и витрины валютных магазинов. Но российский бессмысленный бунт прошел тихо, по избирательным кабинам. Мы долго ссыкались с фашизмом, боясь испугаться его. И не замечали, не хотели замечать и первую этническую чистку, успешно осуществленную год назад на территории России, и первую российскую республику, сделавшую национальную нетерпимость своей официальной политикой, и россиян, спасающихся от русской армии. И через год имели все это в Москве: и русских, спасающихся от русской армии, и этническую чистку столицы.

То, что раньше было стыдно, теперь в лучшем случае вы-

зывает равнодушное пожатие плеч. Но мы народ крайностей. Всякий раз, отрекаясь от старого мира, мы обращаем в прах нажитое. Отказываясь от фарисейской «дружбы народов» Сталина, мы не можем, не должны реабилитировать расизм Гитлера. Решения Нюрнбергского трибунала остаются в силе.